

Оригинальная статья

УДК 159.9.07, 159.923, 616-036.21
doi: 10.11621/npj.2021.0201

Восприятие пандемии и вакцинации в период «второй волны» коронавируса (по результатам глубинных интервью)

Д.А. Хорошилов*, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-4688-1934

О.А. Громова, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-1009-7283

*Для контактов. E-mail: d.khoroshilov@gmail.com

Актуальность тематики статьи. В статье раскрываются перспективы психологического исследования восприятия и переживания эпидемии и пандемии Covid-19 как ситуации депривации и фрустрации жизненного пространства личности. Конституирующие характеристики жизненного пространства современного человека: интерактивность, гетерогенность, стирание границ между частным и публичным делают его уязвимым (прекарным) перед радикальными социальными трансформациями, предельным выражением которых стала эпидемия и пандемия коронавируса.

Цель теоретического и эмпирического исследования — анализ субъективного отношения к пандемии и вакцинации.

Описание хода исследования. Исследование выполнено в качественном дизайне с использованием методов полуструктурированного глубинного интервью и тематического анализа, проективной методики направленных вербальных ассоциаций. Целевая выборка исследования составила 50 человек (25 мужчин и 25 женщин, 18–70 лет). Интервью проводились зимой 2020–2021 года в период «второй волны» коронавируса и весной 2021 года после снятия ограничительных мер.

Результаты исследования. Качественный анализ глубинных интервью позволил выделить следующие проблемы:

- 1) расхождение когнитивного и аффективного уровней отношения к пандемии — «принятие» коронавируса как элемента повседневности и одновременно переживание радикального слома привычного образа жизни;
- 2) устойчивое состояние психической напряженности, которое в период самоизоляции ограничивало ресурсы поддержания профессиональной деятельности, самообразования и саморазвития;
- 3) поиск индивидуальных стратегий совладания с этим состоянием в повседневной жизни;
- 4) сложности ресоциализации при выходе из режима самоизоляции;
- 5) недоверие к официальным и неофициальным источникам информации, отношение к медиа как к ключевому фактору провоцирования стресса, страха и тревоги;
- 6) спонтанная межгрупповая дифференциация «вакцинированных» и «невакцинированных»;
- 7) проекция архетипического образа героя-трикстера на вакцину.

Заключение. Дезориентация в ситуации неопределенности и транзитивности, спровоцированная пандемией коронавируса, актуализирует архаические механизмы социально-психологической защиты, что можно считать подтверждением теоретической гипотезы об иррациональности как неотъемлемом свойстве сознания человека и современного общества.

Ключевые слова: пандемия, транзитивность, жизненное пространство, обыденное сознание, качественные исследования.

Для цитирования: Хорошилов Д.А., Громова О.А. Восприятие пандемии и вакцинации в период «второй волны» коронавируса (по результатам глубинных интервью) // Национальный психологический журнал. 2021. № 2 (42). С. 3–11. doi: 10.11621/npj.2021.0201

Поступила 24 мая 2021 / Принята к публикации: 6 июня 2021

Perception of pandemic and vaccination in the period of COVID-19 “second wave” (on the basis of in-depth interviews)

Dmitry A. Khoroshilov,* Russian State University for the Humanities Moscow, Russia

ORCID: 0000-0003-4688-1934

Oxana A. Gromova, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0003-1009-7283

*Corresponding author: d.khoroshilov@gmail.com

Background. The article reveals the prospects for a psychological research of the perception and experience of the Covid-19 epidemic and pandemic as a situation of deprivation and frustration of personal life space. The constitutive characteristics of living space — interactivity, heterogeneity, blurring the boundaries between private and public — makes it vulnerable (precarious) to radical social transformations, of which the epidemic and pandemic of the coronavirus has become the extreme expression.

Objective. The purpose of the theoretical and empirical study is to analyze the subjective attitude towards the pandemic and vaccination.

Design. The study was carried out in a qualitative design using the methods of semi-structured in-depth interviews and thematic analysis, a projective technique of directed verbal associations. The purposive sample of the study consisted of 50 people (25 men and 25 women, 18–70 years old). The interviews were conducted in winter, 2020–2021, during the “second wave” of the coronavirus and in spring, 2021 after the loosening of restrictive measures.

Results. A qualitative analysis of in-depth interviews made it possible to highlight the following topics: 1) the discrepancy between the cognitive and affective levels of attitudes towards the pandemic situation (acceptance of the coronavirus as an element of everyday life and at the same time experiencing a radical breakdown of the usual way of life); 2) a steady state of mental tension, which during the period of self-isolation limited the resources for maintaining professional activity, self-education and self-development; 3) search for individual strategies for coping with this state in everyday life; 4) the difficulties of resocialization when switching back from the self-isolation mode; 5) distrust of official and unofficial sources of information, attitude towards the media as a key factor in provoking stress, fear and anxiety; 6) spontaneous intergroup differentiation of vaccinated and unvaccinated; 7) projection of the archetypal image of the trickster hero onto the vaccine.

Conclusion. Disorientation in the situation of uncertainty and transitivity provoked by the coronavirus pandemic actualizes the archaic mechanisms of socio-psychological defense, which can be considered confirmation of the theoretical hypothesis of irrationality as an integral property of human consciousness and modern society.

Key words: pandemic, transitivity, life space, everyday consciousness, qualitative research.

For citation: Khoroshilov, D.A., Gromova, O.A. (2021). Perception of pandemic and vaccination in the period of COVID-19 “second wave” (on the basis of in-depth interviews). National Psychological Journal, [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal], 2 (42), 3–11. doi: 10.11621/npj.2021.0201

Received May 24, 2021 / Accepted for publication June 6, 2021

Социально-психологические перспективы анализа пандемии Covid-19

Многие психологи неоднократно высказывались в частных беседах, с трудом сдерживая печальную иронию, что пандемия Covid-19 стала воплощением психологических принципов неопределенности и транзитивности (Асмолов, 2015; Марцинковская, 2015) как рефлексивных «ответов» на вызовы радикальных социокультурных изменений, проявившихся в глобальном масштабе. В информационном потоке аналитических текстов и публицистики одна из наиболее точных и пронизательных заметок принадлежит известному поэту и филологу О.А. Седаковой (эти слова написаны в Риме в самом начале мирового локдауна):

— *«Мне кажется слишком очевидным говорить о таких вещах, как внезапно явленная в планетарном размахе хрупкость бытия, и личного, и общего, о которых мир как-то подзабыл. Мне кажется слишком очевидными рассуждения о том, что никогда прежде вся планета не увидела воочию собственную связность. Интересно, что в противостоянии беде эта связная цивилизация избирает стратегию все более жесткого разгораживания и замыкания отдельных зон. «Мы победили пространство и время» — и по побежденному нами пространству ускоренным шагом движется хворь и беда и смерть»* (Седакова, 2020).

С точки зрения отечественной школы социальной психологии (Андреева, 2009, 2013) основной фокус исследования социальных изменений заключается в описании и реконструкции имплицитных социаль-

ных убеждений, верований и представлений, конструируемых различными группами и сообществами. В повседневной жизни общества и культуры формируются стратегии копинга с ситуацией неопределенности, чья феноменология фиксируется следующими измерениями (Белинская, 2014): множественностью, непредсказуемостью и неподконтрольностью. Очевидно, что стремительное распространение вируса задействовало все перечисленные параметры, а пандемия стала «естественным экспериментом» по моделированию неопределенности в глобальном масштабе, предварительные «результаты» которого еще не вполне известны.

В предыдущей работе одного из авторов настоящей статьи, посвященной психологическому прочтению и сравнительному анализу записок выдающихся советских ученых-женщин XX столетия — Л.Я. Гинзбург и О.М. Фрейденберг, предлагалась метафора пандемии как новой «блокады человека». Пандемия, ускорившая процессы медиатизации и виртуализации социальной реальности, произвела психологический эффект насильственного сужения, депривации и фрустрации жизненного пространства человека (Хорошилов, 2020). Конструкт жизненного пространства, восходящий к классическим работам К. Левина и переосмысляемый в актуальном интеллектуальном контексте (Гришина, 2020; Марцинковская, 2013), оказывается эвристичным как в теоретическом, так и в эмпирическом планах исследования пандемии.

Понятие жизненного пространства, согласно Н.В. Гришиной, правомерно считать конкретизацией старинного понятия жизненного мира (восходящего,

Дмитрий Александрович Хорошилов — кандидат психологических наук, заведующий кафедрой социальной психологии Института психологии имени Л.С. Выготского Российского государственного гуманитарного университета
ORCID: 0000-0003-4688-1934

Dmitry A. Khoroshilov — PhD in Psychology, head of the Department of Social Psychology, L.S. Vygotsky School of Psychology, Russian State University for the Humanities
ORCID: 0000-0003-4688-1934

Оксана Анатольевна Громова — кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии Института психологии имени Л.С. Выготского Российского государственного гуманитарного университета
ORCID: 0000-0003-1009-7283

Oxana A. Gromova — PhD in Psychology, associate professor of the Department of Social Psychology, L.S. Vygotsky School of Psychology, Russian State University for the Humanities
ORCID: 0000-0003-1009-7283

как хорошо известно, к философской феноменологии Э. Гуссерля и А. Шюца) на психологическом уровне анализа личности (Гришина, 2018). Жизненный мир — интерсубъективная система обыденных представлений о социальном мире, в котором существует человек, а жизненное пространство образует не только динамическое единство личности и окружения, но и множество потенциальных возможностей, рисков и выборов, изменяющихся на протяжении жизненного пути (Гришина, 2016).

По мнению Т.Д. Марцинковской, следует учитывать взаимосвязи между персональным (личным) и социальным пространством. Культуру и общество также можно рассматривать как сложные динамические системы отношений и противоположных коммуникативных тенденций. Марцинковская сопоставляет различные по интеллектуальным источникам теории жизненного пространства К. Левина, социального поля П. Бурдьё, хронотопа М.М. Бахтина и приходит к выводу о том, что пространство как таковое не является сферой психологии; субъективное отношение к нему — вот предмет психологического исследования. Иначе говоря, оставаясь в дисциплинарных границах психологии, мы находим и изучаем субъективное в объективном (Марцинковская, 2013).

Одной из конституирующих черт жизненного мира (и пространства) современного человека является его гетерогенность как результат культурных практик индивидуализации. Максимально широкие и часто воспринимаемые как безграничные возможности для конструирования личного пространства, расширяемого и продолжаемого с помощью медиатехнологий, оборачиваются тем, что человек замыкается в виртуальности в собственном одиночестве, а его приватная жизнь становится прозрачной и уязвимой перед взглядом Другого — анонимного до того момента, пока не прозвучит обвинение в харассменте или публикации неподобающих материалов даже в закрытых профилях и группах (Хорошилов, 2019). Переживания уязвимости, хрупкости и незащищенности (прекарности) сопровождают процессы интерактивной и креативной экспансии жизненного пространства (Полева, Аянян, 2021).

Эпидемия и пандемия коронавируса — при внимательном рассмотрении — оказывается не кризисом, а предельным выражением такого социокультурного порядка: глобальный мир разделяет межличностные коммуникации режимами карантина и самоизоляции, но при этом размыкает одиночество с помощью виртуальных технологий, кстати, впервые в истории эпидемий, что весьма пронизательно отмечает О.А. Седакова в цитированном выше эссе. Пандемия во многом реализовала прогнозы социологов о нарастании индивидуализации и сингулярности общества и культуры позднего модернизма и постмодернизма (Бауман, 2005; Элиас, 2001; Rekwitz, 2017).

Как отмечает Т.В. Корнилова, пандемия создала уникальную ситуацию, которая задала недостижимые в лаборатории условия, заставляющие людей проявлять поведенческое отношение к неопределенности, что, в свою очередь, позволяет увеличить экологиче-

скую валидность анализа социокультурных и индивидуально-личностных факторов регуляции риска и принятия решений (Корнилова, 2020). Эпидемиологическое положение потребовало объединения специалистов из различных областей научного знания и междисциплинарного подхода (Прощай, Covid-19, 2020; Черный лебедь в белой маске ..., 2021). Какой вклад вносит современная психология в эту аналитическую работу?

Неопределенность и транзитивность происходящего, актуализированная пандемией, закономерно спровоцировала самый широкий спектр аффективных состояний, поэтому психологи не только поставили вопросы о феноменологии восприятия и переживания стрессовой ситуации, но прежде всего стремились найти ресурсы и инструменты совладания с ней (Баранова и др., 2021; Карпова, Николаева, 2020; Крюкова и др., 2020; Рассказова и др., 2021; Тхостов, Рассказова, 2020; Ушаков и др., 2020).

Исследования психологических эффектов пандемии обычно фиксируют отношение к ней различных социальных групп, и эти многообразные данные могут рассматриваться как эмоциональная реакция на депривацию жизненного пространства (Марцинковская, 2020). Что касается организации исследований такого плана, то сбор и анализ информации осуществляется с использованием количественных методов на больших выборках.

В наших работах (Мельникова, Хорошилов, 2020) получил обоснование качественный подход к анализу социальных изменений и проблем. Продолжая эту методологическую линию, мы хотели бы представить результаты одной из серий глубинных интервью, которые проводятся на разных этапах пандемии, и интерпретировать полученные факты с точки зрения гипотезы о депривации и фрустрации жизненного пространства личности под влиянием Covid-19.

Программа качественного исследования восприятия пандемии

Цель исследования, выполненного в дизайне качественной методологии (Бусыгина, 2015; Мельникова, Хорошилов, 2020), заключалась в изучении восприятия эпидемии и пандемии коронавируса периода «второй волны» (зима 2020–2021 гг. и весна 2021 гг.). Целевая выборка исследования составила 50 человек (25 мужчин и 25 женщин в возрасте от 18 до 70 лет). Поскольку исследование носило поисковый характер, мы не формулировали заранее эмпирические гипотезы, а конструировали и уточняли их непосредственно в процессе работы с данными полуструктурированных глубинных интервью.

Вопросы топик-гайда были организованы в пять блоков:

- 1) отношение к пандемии;
- 2) стратегии адаптации;
- 3) источники информации;
- 4) опыт болезни, меры профилактики и лечения;
- 5) принятие решения о вакцинации.

В интервью использовалась проективная методика направленных ассоциаций (Мельникова, 2007): респондентам предлагалось сравнить известные им вакцины с фильмом и киногероем. Для анализа интервью нами применялся метод *тематического анализа* (Хорошилов, Мельникова, 2020; Ярошевская, Сысоева, 2021).

Результаты тематического анализа глубинных интервью

1. Расхождение когнитивного и аффективного уровней отношения к пандемии (принятие коронавируса как элемента повседневности и, вместе с тем, переживание радикального слома привычного образа жизни).

Можно выделить две основные группы респондентов: первая из них относилась к пандемии с недоверием и воспринимала ее как преувеличение, что впоследствии, однако, изменилось из-за опыта болезни (своей и близких), а другая группа, наоборот, изначально оценивала ситуацию серьезно, но позже приняла ее как данность, к которой следует приспособиться.

— *«Я игнорировала масочные режимы, потому что изначально в это не верила. Сейчас бы я так к этому не отнеслась, зная о последствиях и всем, что мне пришлось пережить. Не сразу поняла, что заболела, ощущения были странные, которые я раньше не переживала. Я понимала, что что-то не то со мной происходит. С одной стороны, странные какие-то ощущения, я так раньше не болела. Было действительно тяжело дышать, температура была маленькая, но было очень плохо. Такое ощущение, что просто помираешь».*

— *«Отношение менялось. Сначала был страх, сейчас пришло принятие. Прошло много времени, мы вроде научились с этим справляться. Думаю, что, как и при любых болезнях, есть люди, которые с ними справляются, а есть, кто нет. Такова жизнь. Но на первом этапе пандемии страх и заболеть, и страх за родных был намного сильнее, чем сейчас».*

Если в семейном или близком окружении респонденты не сталкивались со случаями тяжело перенесенного коронавируса, то пандемия воспринимается как иллюзорное преувеличение опасности. Случаи тяжелого течения болезни редко упоминались в интервью. Несмотря на то, что респонденты выражают нейтральное и спокойное отношение к пандемии, анализ проективной методики (направленных вербальных ассоциаций) раскрывает аффективно нагруженную оценку ситуации как пост-апокалипсиса, чумы и глобальной катастрофы («Я-Легенда», «Сияние» и другие фильмы).

2. Устойчивое состояние психической напряженности, которое в период самоизоляции (т.е. весной 2020 г.) ограничивало ресурсы поддержания профессиональной деятельности, самообразования онлайн и саморазвития. В отношении названного периода респонденты часто упоминали «беспричинные слезы»

как спонтанное выражение стресса, депрессии, ужаса, страха и тревоги, при этом не считали необходимым обратиться к психологам (за исключением нескольких случаев) и старались справиться с происходящим самостоятельно.

Респонденты почти не использовали интернет-ресурсы для бесплатного обучения, профессионального и личного саморазвития, они отмечали отсутствие времени и одновременно — бесконечное пролистывание социальных сетей, компьютерные игры и прокрастинацию. Психическая напряженность остается устойчивым фоном повседневной жизни даже после снятия всех ограничений и спада заболеваемости.

— *«Я все это время находилась у себя дома, чувствовала одиночество и скуку. Я думала, когда же это все закончится, и когда я смогу уже нормально пойти гулять без масок, без какой-либо опаски заразиться и заразить других. На данный момент все только ухудшилось. С одной стороны, я к этому немного привыкла, но, с другой стороны, сейчас как никогда хочется окончания этого кошмара. Я очень беспокоюсь за своих бабушку и дедушку, кроме того, мне действительно надоело жить в каком-то фильме о пост-апокалипсисе».*

3. Поиск индивидуальных стратегий совладания с состоянием стресса и тревоги в повседневной жизни. Респонденты самостоятельно пытались найти стратегии совладания со сложившейся ситуацией (работа, самообразование и т.д.). Среди источников помощи назывались семья и близкое окружение. Однако одновременно отмечались семейные конфликты, со ссылкой на данные медиа: увеличение частоты разводов, домашнего насилия, суицидов.

— *«С одной стороны, было интересно — как никак новый опыт, но с другой — было действительно тяжело. Это тот самый момент, когда я поняла, что я все-таки экстраверт и мне нужны другие люди. Через несколько недель сидения под одной крышей, я начала ссориться с семьей, потому что мы устали друг от друга, но, слава Богу, это было ненадолго. Я чувствовала страх и неопределенность и постоянно думала о том, когда это все закончится».*

4. Сложности ресоциализации при выходе из режима самоизоляции. По словам респондентов, восстановление привычного образа жизни, а иной раз и элементарных социальных навыков общения требовало усилий после снятия ограничений: «нужно привыкать к жизни заново», «как с зоны откинулся», «как будто в пузыре была». Выход из режима самоизоляции сложнее всего давался тем, кто называл себя экстравертом, активным и ориентированным на общение. Существенным ресурсом оказывается способность самоорганизации в отношении деятельности и образа жизни. Многим было сложно справиться с напряжением и стрессом во время и после самоизоляции, что свидетельствует, очевидно, о дефиците навыков управления стрессом.

— *«Конечно, я была на дистанционном обучении и все время проводила дома. Тогда было страшно даже во двор выйти. Позже мне пришлось заново привыкать к своей когда-то привычной рутине».*

5. По мнению респондентов, одним из основных факторов формирования тревожных и депрессивных состояний во время пандемии является индустрия медиа. Отсутствует доверие к официальным источникам информации — данные по заболевшим воспринимаются как нерелевантные, сомнению подвергаются и сведения о качестве лечения и уровне медицинской помощи.

Участники исследования отмечают несоответствие официальных цифр статистики по заболевшим с наблюдаемыми реальными случаями заболевания, фрагментарную непоследовательную экономическую помощь лишь отдельным слоям населения наряду с массовым снижением доходов, потерей рабочих мест, финансовым кризисом.

Среди альтернативных источников информации (также далеко не всегда заслуживающих доверия) упоминались социальные сети, сообщества и статьи врачей, информация от близких и знакомых. Несмотря на обилие и доступность различной информации, люди в определенный момент перестают ею интересоваться — не смотрят статистику, не интересуются новостями, перестают читать сведения о прививках и доверять источникам медиаинформации в целом. При избытке непроверенной информации об опасности люди начинают закрываться от нее и пользуются преимущественно поддержкой близкого круга.

— *«Я думаю, что ситуация серьезная и что скрывается настоящая статистика заболевания, я бы даже назвала это заговором. Я слежу за новостями в телеграмм, и той информации, что там появляется повсеместно, я склонна доверять. Чем чаще я вижу ту или иную информацию в разных телеграм-каналах, тем выше у меня уровень доверия к ней».*

— *«Информационный голод в этом вопросе, что с этим вообще делать. Что бы они ни писали (“Это не принимать”, “Антибиотики не принимать”), только антибиотики и помогли. У меня ощущение было, что это специально вообще сделано. Лекарств нет, ну как это вообще? Плюс, тебе никто ничего не говорит. К врачу ты приходишь — тебе говорят: “Ничего страшного”, то есть, “ОРВИ, не переживайте”».*

В нескольких интервью вскользь, очень осторожно упоминаются теории мирового заговора, высказываются предположения о существовании опасных и безопасных вакцин.

— *«Есть, конечно, какое-то вирусное заболевание, которое просто эксплуатируется в политических целях. Ковид существовал всегда, разные его формы, а потом, более того, существует две версии о его искусственном происхождении, т.е. модификации ковида. Одна — китайская лаборатория, одна — американская. Поэтому есть два течения, вернее — два протекания этого заболевания — они разные».*

6. Амбивалентное отношение к вакцинации как критерий межгрупповой дифференциации. Лишь один из респондентов привился от коронавируса, никто из остальных 49 респондентов не вакцинировался (информация актуальна на момент проведения интервью), как переболевшие, так и не пере-

болевшие. Среди профилактических мер — с низкой эффективностью и скорее «по выработанной привычке» — чаще всего упоминаются ношение масок и мытье рук. Отношение к вакцинации достаточно настороженное. Недоверие к официальным источникам информации способствует формированию такого же скептического восприятия вакцины. Опасения связаны с ее отсроченными побочными явлениями и недоказанной эффективностью. При этом следует подчеркнуть, что почти никто из респондентов не искал и не читал статистику по прививке: число антител, данные по безопасности и побочным явлениям. Их мнения основываются скорее на имплицитных верованиях и суждениях, а не на аналитической работе со справочной и научно-популярной информацией. Часто негативное и подозрительное отношение к вакцине формируется за счет эвристических, сформированных в условиях избегания информации, пассивного и скептического отношения к информации о вакцине, недоверия к источникам информации в целом.

— *«Нет, не прививался. Не было подходящего случая, это как сходить в церковь исповедоваться, вроде надо, но случай никогда не представляется. А если бы привился, то “Спутником”, это же единственная российская вакцина. Основной фактор в том, что ее необязательность глобально лишает ее смысла. Мне не нравятся политические игры вокруг вакцин: люди в который раз вместо того, чтобы объединиться против общей проблемы, пытаются выяснить кто лучше, у кого закупать, у кого не закупать и все такое».*

Однако в ряде случаев наблюдается одобрение действий правительства и подчеркиваются особенности российской ментальности, которая и приводит к несоблюдению рекомендуемых врачами мер, легкомысленному поведению и отрицанию серьезности ситуации. Данная группа респондентов оптимистично рассматривает будущее и перспективы лечения коронавируса.

— *«Наше государство сделало и делает все, чтобы обезопасить людей. Россия справляется с пандемией, однако многое зависит от людей, которые прививаются или не прививаются. Наша страна в свое время победила корь, чуму, оспу, и все это были наши вакцины. В этом отношении наша страна хороша».*

Наблюдаются феномены ин-группового фаворитизма и аут-групповой враждебности — если респондент не привит, то он относит себя к группе людей думающих, не доверяющих слепо информации и не поддающихся запугиванию, активных в отношении самостоятельного поиска и анализа информации. В то время как к группе людей, сделавших вакцину, такие респонденты относят тех, кто *«верит только телевизору и государству»*, *«не способен самостоятельно думать и анализировать имеющуюся информацию»*, запуган и подавлен.

— *«Те, кто включает голову, они не идут прививаться, потому что люди думают о своем здоровье прежде всего. Я считаю, что прививаться от ви-*

руса в принципе невозможно, поэтому я не доверяю этой вакцине, я не знаю, что это за вакцина. Как профессионалы говорят, вирусологи опять же, что от вируса невозможно создать прививку. Почему некоторые люди вакцинируются? Что ими движет? Страх, отсутствие информации, нежелание просто подумать на эту тему. Отсутствие интернета, в целом невежественность просто. Или доверие своему государству и доверие своему министерству здравоохранения, доверие СМИ, нежелание ознакомиться с какой-то другой точкой зрения».

Многие респонденты считают, что на их решение о вакцинации может повлиять ряд объективных требований (например, условия работодателя или преграды для осуществления туристических путешествий). Рекомендательный и необязательный характер вакцинации, по мнению респондентов, снижает ее эффективность. Несколько человек утверждают в интервью, что вакцинация может быть единственным средством, способным остановить пандемию, но вакцина должна быть изучена и протестирована, от нее ждут безопасность, эффективность и надежность. Существенное число участников исследования относятся к возможности принудительной массовой вакцинации негативно.

7. Различные вакцины часто ассоциируются с супергероем, обладающим негативными чертами, слишком молодым и допускающим ошибки. Лишь изредка встречаются ассоциации с позитивными супергероями.

Интересно проанализировать комментарии к таким образам: вакцина не доработана, не прошла клинические испытания, нет полной информации по возможным побочным явлениям и клиническим проявлениям.

— *«Я бы сравнила все вакцины с Человеком-пауком. Они все — в начале пути становления великими героями, поэтому пока они могут совершать ошибки».*

— *«Вакцина “Спутник” ассоциируется у меня с фильмом “Мстители: война бесконечностей”, потому что у вакцины космическое название и она борется со вселенским злом, прямо как в фильме. А если супергерой, то тогда Тор, потому что он гордый и статный, иногда косячит, но все исправляет».*

— *«Какой-то ужасный триллер. Какой-то ужасник был бы. Какой-то герой-убийца. Супергерой — это положительный герой, а я, например, вакцину “Спутник” не представляю как положительного героя, я считаю, что это вред для здоровья, для организма. В лучшем случае он не принесет ничего, ни пользы, ни вреда, но главное, чтобы вреда не принес. Поэтому с каким-то супергероем его сравнить я не могу, я его могу только с отрицательным героем сравнить. Какой-то убийца, который преследует свою жертву долго-долго, а потом ее настигает и уничтожает. Или прикидывается другом, а в конце концов оказывается врагом».*

Выводы

Проведенный нами качественный анализ серии интервью, посвященных исследованию субъективного отношения к ситуации эпидемии и пандемии коронавируса, раскрывает не только предсказуемо высокий уровень повседневного стресса и фрустрации персонального жизненного пространства, но и определенный дефицит внутренней автономии при его конструировании и поддержании в период до и после самоизоляции.

Это означает, что респонденты, критически воспринимая работу социальных институтов (медиа, экономики, политики, здравоохранения) как малоэффективную, обнаруживают недостаток или даже отсутствие ресурсов для индивидуального формирования адаптивных копинг-стратегий, что, в свою очередь, выступает причиной амбивалентного отношения к пандемии вируса и вакцинации, которое во многом зависит от личного опыта болезни.

Индивидуализация восприятия или переживания болезни не становится, по-видимому, фактором формирования эффективного копинга с фрустрацией и депривацией жизненного пространства, спровоцированной пандемией. Такая дезориентация субъекта в ситуации неопределенности приводит, в том числе, к актуализации архаических механизмов социальной и психологической защиты: межгрупповой дифференциации («вакцинированные»/«невакцинированные»), оживлению мифологических представлений об апокалипсисе и чуме, проекции архетипического образа героя-трикстера на вакцину, которая может принести и неожиданный магический эффект защиты от болезни, и одновременно угрозу для здоровья. Тем самым подтверждается теоретическая гипотеза о том, что современное общество опирается прежде всего на иррациональные свойства сознания человека (Тхостов, 2020); подобная социальная конструкция наиболее ярко «высвечивается» глобальной эпидемией и пандемией.

Информация о грантах и благодарностях

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ, номер 20-04-60072, «Психологические и социальные детерминанты негативных последствий пандемии: системный анализ роли факторов долгосрочной индивидуальной и социальной комплаентности населения в минимизации ущерба от коронавирусной инфекции».

Acknowledgments

The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project № 20-04-60072, “Psychological and social determinants of the negative consequences of a pandemic: a systematic analysis of the role of factors of long-term individual and social population compliance in minimizing harm from coronavirus infection”.

Литература:

- Андреева Г.М. Образ мира и/или реальный мир? // Вопросы психологии. 2013. № 3. С. 33–43.
- Андреева Г.М. Социальная психология сегодня: поиски и размышления. М.: НОУ ВПО МПСИ, 2009.
- Асмолов А.Г. Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 40. [Электронный ресурс] // URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения 19.05.2021).
- Баранова В.А., Дубовская Е.М., Савина О.О. Опыт жизнедеятельности и ресурсы преодоления трудностей социальной изоляции в первый период пандемии COVID-19 у студентов // Социальная психология и общество. 2021. Т. 12, № 1. С. 10–25. doi: 10.17759/sps.2021120102
- Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005.
- Белинская Е.П. Неопределенность как категория современной социальной психологии личности. // Психологические исследования. 2014. Т. 7, № 36. [Электронный ресурс] // URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения 19.05.2021).
- Бусыгина Н.П. Качественные и количественные методы исследований в психологии. М.: Юрайт, 2017.
- Гришина Н.В. Ситуационный подход: исследовательские задачи и практические возможности // Вестник СПбГУ. Серия 16. Психология. Педагогика. 2016. № 1. С. 57–68.
- Гришина Н.В. Экзистенциальная психология. СПб.: СПбГУ, 2018.
- Гришина Н.В. Психология изменений: методологические предложения Курта Левина // Жизненное пространство в психологии: теория и феноменология / Под ред. Н.В. Гришиной, С.Н. Костроминой. СПб.: СПбГУ, 2020. С. 124–148.
- Карпова Э.Б., Николаева Е.А. Негативные психоэмоциональные последствия пандемии COVID-19 в группе риска // Национальный психологический журнал. 2020. № 3 (39). С. 66–74. doi: 10.11621/npj.2020.0310
- Корнилова Т.В. Личностные основания принятия решений о социальном дистанцировании в трех странах (Россия, Азербайджан и Китай) // Новые вызовы неопределенности: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2020. С. 48–52.
- Крюкова Т.Л., Екимчик О.А., Опекина Т.П., Шипова Н.С. Стресс и совладание в семье в период самоизоляции во время пандемии COVID-19 // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11, № 4. С. 120–134. doi: 10.17759/sps.2020110409
- Марцинковская Т.Д. Современная психология — вызовы транзитивности. // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 42. [Электронный ресурс] // URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения 19.05.2021).
- Марцинковская Т.Д. Социальное пространство: теоретико-эмпирический анализ // Психологические исследования. 2013. Т. 6, С. 30. [Электронный ресурс] // URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения 19.05.2021).
- Марцинковская Т.Д. Личностные границы пространства и времени в ситуации депривации по Covid-19 // Вопросы психологии. 2020. Т. 66, № 4. С. 104–113.
- Мельникова О.Т. Фокус-группы: методы, методология, модерирование. М.: Аспект Пресс, 2007.
- Мельникова О.Т., Хорошилов Д.А. Методологические проблемы качественных исследований в психологии. М.: Акрополь, 2020.
- Полева Н.С., Аянян А.Н. Транзитивность как фактор прекарнизации повседневности // Новые психологические исследования. 2021. № 1. С. 29–53.
- Прощай, Covid? / Под ред. К. Гаазе, В. Данилова, И. Дуденковой, Д. Кралечкина, П. Сафронова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2020.
- Рассказова Е.И., Леонтьев Д.А., Лебедева А.А. Пандемия как вызов субъективному благополучию: тревога и совладание // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Т. 28, № 2. С. 90–108. doi: 10.17759/cpp.2020280205
- Седакова О.А. Странная серьезность происходящего // Православие и мир, 2020, 19 марта. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.pravmir.ru/krasota-rima-bez-lyudej-hroniki-karantina-v-italii/> (дата обращения 19.05.2021).
- Тхостов А.Ш. Культурно-историческая патофизиология. М.: Канон+, 2020.
- Тхостов А.Ш., Рассказова Е.И. Психологическое содержание тревоги и профилактики в ситуации инфодемии: защита от коронавируса или «порочный круг» тревоги? // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Т. 28, № 2. С. 70–89. doi: 10.17759/cpp.2020280204
- Ушаков Д.В., Юревич А.В., Нестик Т.А., Юревич М.А. Социально-психологические аспекты пандемии covid-19: результаты экспертного опроса российских психологов // Психологический журнал. 2020. Т. 41, № 5. С. 5–17. doi: 10.31857/S020595920011074-7
- Хорошилов Д.А. Оцифрованный разум: медиатизация социального познания в культуре, науке и искусстве // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10, № 4. С. 9–22. doi: 10.17759/sps.2019100402
- Хорошилов Д.А. Блокада человека: поиск психологической концепции личности в записках Л.Я. Гинзбург и О.М. Фрейденаберг // Жизненное пространство в психологии: теория и феноменология / Под ред. Н.В. Гришиной, С.Н. Костроминой. СПб.: СПбГУ, 2020. С. 149–181.
- Хорошилов Д.А., Мельникова О.Т. Метод тематического анализа в изучении представлений о женском лидерстве // Организационная психология. 2020. Т. 10, № 3. С. 85–99.
- «Черный лебедь» в белой маске : аналитический доклад НИУ ВШЭ к годовщине пандемии COVID-19 / Под ред. С.М. Плаксина, А.Б. Жулина, С.А. Фаризовой. М.: ВШЭ, 2021.
- Элиас Н. Общество индивидов. М.: Праксис, 2001.
- Ярошевская С.В., Сысоева Т.А. Представления студентов об успешности обучения: темы, ориентиры и противоречия // Психологическая наука и образование. 2021. Т. 26, № 1. С. 92–101. doi: 10.17759/pse.2021260106
- Rekwitz A. (2017). Die Gesellschaft der Singularitäten: Zum Strukturwandel der Moderne. Berlin: Suhrkamp.

References:

- Andreeva G.M. (2013). Image of the world and or real world? *Voprosy psihologii (Issues of psychology)*, 3, 33–43. (In Russ.).
- Andreeva G.M. (2009). Social psychology today: research and reflection. Moscow: NOU VPO MPSI. (In Russ.).
- Asmolov A.G. (2015). Psychology of modernity: challenges of uncertainty, complexity and diversity. *Psihologicheskie issledovanija (Studies in psychology)*, 8 (40). [Electronic resource]. URL: <http://psystudy.ru> (accessed: 19.05.2021). (In Russ.).
- Baranova V.A., Dubovskaja E.M., Savina O.O. (2021). Living experience and resources for overcoming the difficulties of self-isolation in students during the first period of COVID-19 pandemic. *Social'naja psihologija I obshhestvo (Social psychology and society)*, 12 (1), 10–25. (In Russ.) doi: 10.17759/sps.2021120102
- Bauman Z. (2005). Individualized society. Moscow: Logos. (In Russ.).
- Belinskaja E.P. (2014). Uncertainty as category of modern social psychology of personality. *Psihologicheskie issledovanija (Studies in psychology)*, 7 (36). [Electronic resource]. URL: <http://psystudy.ru> (accessed: 19.05.2021). (In Russ.).
- Busygina N.P. (2017). Qualitative and quantitative methods of studies in psychology. Moscow: Jurajt. (In Russ.).
- Grishina N.V. (2020). Psychology of change: Kurt Levin's methodological suggestions. *Zhiznennoe prostranstvo v psihologii: teorija i fenomenologija (Life space in psychology: theory and phenomenology)*. In N.V. Grishina, S.N. Kostromina (Eds.), (pp. 124–148). Saint-Petersburg: SPbGU. (In Russ.).
- Grishina N.V. (2016). Situational approach: research objectives and practical opportunities. *Bulletin of Saint-Petersburg university. Series 16. VestnikSPbGU. Serija 16. Psihologija. Pedagogika (Psychology. Pedagogy)*, 1, 57–68. (In Russ.).
- Grishina N.V. (2018). Existential psychology. Saint-Petersburg: SPbGU. (In Russ.).
- Karpova Je.B., Nikolaeva E.A. (2020). Negative psycho-emotional consequences of the COVID-19 pandemic in the risk group. *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal (National journal of psychology)*, 3 (39), 66–74. (In Russ.). doi: 10.11621/npj.2020.0310
- Kornilova T.V. (2020). Personal grounds for the decision to maintain social distance in three countries (Russia, Azerbaijan and China). *New challenges of uncertainty: materials of all-Russian scientific-practical conference*. Novosibirsk: IPC NGU. (In Russ.).
- Krjukova T.L., Ekimchik O.A., Opekinam T.P., Shipova N.S. (2020). Stress and coping with it in family during the COVID-19 pandemic self-isolation period. *Social'naja psihologija I obshhestvo (Social psychology and society)*, 11 (4), 120–134. (In Russ.). doi: 10.17759/sps.2020110409
- Marcinkovskaja T.D. (2015). Modern psychology: challenges of transitivity. *Psihologicheskie issledovanija (Studies in psychology)*, 8 (42). [Electronic resource]. URL: <http://psystudy.ru> (accessed: 19.05.2021). (In Russ.).
- Marcinkovskaja T.D. (2013). Social space: theoretical-empirical analysis. *Psihologicheskie issledovanija (Studies in psychology)*, 6, 30. [Electronic resource]. URL: <http://psystudy.ru/> (accessed: 19.05.2021). (In Russ.).
- Marcinkovskaja T.D. (2020). Personal boundaries of space and time in the COVID-19-related deprivation situation. *Voprosy psihologii (Issues of psychology)*, 4 (66), 104–113. (In Russ.).
- Meľnikova O.T. (2007). Focus groups: methods, methodology, moderating. Moscow: Aspekt Press. (In Russ.).
- Meľnikova O.T., Horoshilov D.A. (2020). Methodological problems of qualitative studies in psychology. Moscow: Akropol'. (In Russ.).
- Poleva N.S., Ajanjan, A.N. (2021). Transitivity as everyday life precarization factor. *Novye psihologicheskie issledovanija (New studies in psychology)*, 1, 29–53. (In Russ.).
- Gaaze K., Danilov V., Dudenkova I., Kralechkin D., Safronov P. (2020). Goodbye, Covid? Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gajdara. (In Russ.).
- Rasskazova E.I., Leont'ev D.A., Lebedeva A.A. (2020). Pandemic sas challenge to subjective well-being: anxiety and coping with it. *Konsul'tativnaja psihologija i psihoterapija (Consultation psychology and therapy)*, 28 (2), 90–108. (In Russ.). doi: 10.17759/cpp.2020280205
- Sedakova O.A. (2020). A strange gravity of what is going on. Orthodox Christianity and the world. *Pravoslavie i mir (Orthodoxy and peace)*. [Electronic resource] URL: <https://www.pravmir.ru/krasota-rima-bez-lyudej-hroniki-karantina-v-italii/> (accessed: 19.05.2021). (In Russ.).
- Thostov A.Sh. (2020). Cultural-historical pathopsychology. Moscow: Kanon+. (In Russ.).
- Thostov A.Sh., Rasskazova E.I. (2020). Psychological content of anxiety and prevention in an infodemic situation: protection from the coronavirus or “vicious circle” of anxiety? *Konsul'tativnaja psihologija i psihoterapija (Consultation psychology and therapy)*, 28 (2), 70–89. (In Russ.). doi: 10.17759/cpp.2020280204
- Ushakov D.V., Jurevich A.V., Nestik T.A., Jurevich M.A. (2020). Social-psychological aspects of the COVID-19 pandemic: the results of an expert survey of Russian psychologists. *Psihologicheskij zhurnal (Journal of psychology)*, 41 (5), 5–17. (In Russ.). doi: 10.31857/S020595920011074-7
- Horoshilov D.A. (2019). Digitalized mind: mediatization of social cognition in culture, science and art. *Social'naja psihologija i obshhestvo (Social psychology and society)*, 10 (4), 9–22. (In Russ.). doi: 10.17759/sps.2019100402
- Horoshilov D.A. (2020). Blocade of a human being: searching for a psychological concept of personality in the writings of L.Y. Ginzburg and O.M. Freidenberg. *Life space in psychology: theory and phenomenology*. In N.V. Grishina, S.N. Kostromina (pp. 149–181). Saint-Petersburg: SPbGU. (In Russ.).
- Horoshilov D.A., Meľnikova O.T. (2020). Thematical analysis method in studying the ideas about female leadership. *Organizacinnaja psihologija (Organization psychology)*, 10 (3), 85–99. (In Russ.).
- Plaksin S.M., Zhulin A.B., Farizova S.A. (2021). “Black swan” in white mask: analytical report of HSE University on the first anniversary of COVID-19. Moscow: HSE. (In Russ.).
- Jelias N. (2001). Society of individuals. Moscow: Praksis. (In Russ.).
- Jaroshevskaja S.V., Sysoeva T.A. (2021). Students' ideas of successful learning: themes, guidelines and contradictions. *Psihologicheskaja nauka i obrazovanie (Psychological science and education)*, 26 (1), 92–101. (In Russ.). doi: 10.17759/pse.2021260106